

ПЕПЕЛ АЛИСЫ

Дмитрий Морок

18+

Дмитрий Морок

Пепел Алисы

«Автор»

2026

Морок Д.

Пепел Алисы / Д. Морок — «Автор», 2026

Это мистическая драма о семье, столкнувшейся с невозможным: их пятилетний сын начал вспоминать чужую жизнь — и чужую смерть. Анна и Игорь — обычные родители из провинциального городка. Их сын Тимофей любит рисовать. Но однажды он заявляет: «Я раньше тут не жил». А потом рисует горящий дом с подписью «Алиса. 30 лет. Простите». Оказывается, мальчик помнит себя взрослой женщиной — художницей, которая сгорела заживо в петербургской мастерской. Он знает то, чего знать не может: вкус любимого варенья, запах сиреневой кухни, имена её родителей. Семья едет через всю страну, чтобы найти тех, кто потерял дочь. Но вместе с памятью приходит тот, кто не отпускает Алису даже после смерти. Её погибший жених, ставший одержимым призраком, хочет забрать её навсегда. Даже если для этого нужно уничтожить чужую семью. Это книга о том, что любовь бывает разной — спасительной и смертельной. И о том, способна ли новая жизнь убежать от старой трагедии.

© Морок Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мистическая драма	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пепел Алисы

Мистическая драма

Глава 1

Утро в небольшом городке под Самарой выдалось таким, за что Анна и любила, и ненавидела июль одновременно. Июльское утро заливало кухню ярким светом. За окном было тихо — только редкие машины шуршали по асфальту. Сирень у забора почти отцвела, но последние бледно-лиловые гроздья ещё держались, и от них тянулся едва уловимый аромат. Трава на газоне перед домом была скошена накануне вечером и теперь лежала ровными зелёными валками, яркая, сочная, ещё не успевшая пожухнуть под солнцем. День обещал быть жарким, но в эти ранние часы воздух оставался свежим и прозрачным, как это бывает только в начале июля, когда ночная прохлада ещё прячется в тени под деревьями и не торопится уступить место дневному зною.

Анна стояла в лёгком сарафане у кухонного стола босиком на прохладном ламинате. Одной рукой она пыталась завязать волосы в хвост, зажав резинку между зубами, а другой держала планшет, на котором светилась схема четвёртого этажа торгового центра, прораб Костя ещё вчера вечером накидал туда красных кружочков, обозначающих проблемы с несущими перекрытиями, и кружочков этих было столько, что схема напоминала сыпь.

Ветер ворвался в распахнутое окно без спроса, подхватил со стола лежавший там лист ватмана с карандашным чертежом фасада и швырнул его на пол. Лист, над которым Анна просидела три недели, перечерчивая каждую линию по три раза, плавно спланировал вниз и улёгся лицом на ламинат, приземлившись у ножки стула.

— Твою же мать, Анна выдернула резинку изо рта и с чувством выдохнула.

— Тише, Игорь даже не обернулся. Он стоял у кофеварки, которая как раз заканчивала свой утренний ритуал, плевалась паром, гудела и тряслась, как старый трактор, он наблюдал за тем, как тёмная жидкость наполняет кружку. Ребёнок слышит. А ты хотела, чтобы он сегодня без новых слов обошёлся.

— Он и так их знает. В саду Лёва такое выдаёт, что я краснею.

— Лёва? Это который в прошлый раз сказал, что мой папа «крутой перец»?

— Он самый. У его отца шиномонтаж. Я боюсь представить, что Лёва слышит дома.

Тимофей действительно ничего не слышал. Он сидел на своём любимом стуле с высокой спинкой, мама называла его «троном», а сам Тимофей считал, что это капитанский мостик космического корабля, и был поглощён делом чрезвычайной важности. Перед ним на столе выстроилась целая армия: два пластиковых динозавра, солдатик без одной ноги и плюшевый заяц, которого призвали в строй на помощь, когда других вариантов не осталось. Тимофей кормил их овсяной кашей по очереди, строго соблюдая очерёдность сначала тираннозавр, потому что он главный, потом маленький трицератопс, следующий был солдатик и в последнюю очередь заяц. Ложка ритмично стучала о зубастую пасть тираннозавра, каша плюхалась на стол, на колени мальчика, но динозавр держался стойко.

— Ешь давай, приговаривал Тимофей, подражая интонациям Ольги Владимировны из садика. А то не вырастешь. Будешь мелкий, как трицератопс.

— Тимош, Игорь обернулся с кружкой в руке, а трицератопс вообще-то тоже большой был. С автобус.

— Не-а, Тимофей мотнул головой, не отрываясь от кормления. Этот маленький. Он детёныш. Ему только сто лет.

— Всего-то сто, Игорь хмыкнул и отпил кофе.

— Игорь! Анна наконец справилась с резинкой, скрутила волосы в небрежный пучок на затылке подняла чертёж скрутила его и засунула в тубус и теперь обеими руками вцепилась в планшет. Ну серьёзно, посмотри на это! У меня несущая стена на четвёртом этаже не бьётся с планом первого. На восемнадцать сантиметров! Это не допуск, это катастрофа. Если я опоз-

даю к девяти и Костя начнёт без меня, он такое наворотит, что нам весь проект переделывать придётся.

— А я? Игорь наконец повернулся к ней полностью. В одной руке у него была любимая кружка с надписью «Инженер это звучит гордо», которую ему подарили коллеги на прошлый Новый год, а в другой телефон, на экране которого светилось напоминание: «Совещание, 10:00. Коммуникации Приморский». У меня через два часа разбор полётов по теплотрассе.

Пол города будет стоять мёртво, пока мы не согласуем схему прокладки. Мне тоже весело?

Тимофей громко захихикал. Динозавр, не выдержав очередной атаки ложкой, завалился на бок и упал мордой прямо в тарелку с остатками каши. Раздался влажный шлепок. Заяц остался стоять он был следующим в очереди.

— Ладно, давайте спокойно, Анна отложила планшет на подоконник и попыталась собраться с мыслями. Я могу отвезти его в сад. Но тогда забираешь ты. Вечером у меня правки от заказчика до семи, а потом ещё сметчики пришлют смету, которую нужно вычитать до завтра...

Она замялась. Потому что Игорь уже качал головой у него в пять совещание с подрядчиками, которое обычно затягивается до упора. Анна и сама это знала. Просто забыла в утренней суматохе.

— Поняла, она вздохнула, провела ладонью по лицу и подошла к мужу. Уткнулась лбом в его плечо, чувствуя, как от футболки пахнет гелем для душа. Забери ты. Пожалуйста. Я хочу сегодня пораньше с работы сбежать, а если ещё и в сад заезжать через весь город в пробках точно до ночи просижу.

— Сбежишь, Игорь поставил кружку на стол, освободил руки и обнял её. Сбежишь, конечно.

— Господи, Игорь, давай в отпуск. Куда угодно. Я серьёзно. В Турцию, в Геленджик, в Крым, на дачу к твоей маме, куда угодно, лишь бы не видеть эти грёбанные чертежи и не думать каждое утро, кто из нас повезёт сына в сад.

Игорь усмехнулся, наклонился и чмокнул её в макушку. Щетина кольнула кожу, Анна поморщилась, но было приятно это было такое родное, привычное ощущение, что она невольно улыбнулась.

— Договорились, сказал он. Я везу его в сад, ты вечером забираешь. И отпуск. Обещаю. На следующей неделе садимся и смотрим билеты. Я у Костика узнаю, где они в прошлом году отдыхали, у него там какой-то отель был с аквапарком и шведским столом. Помнишь, он фотки показывал?

— Это где горки?

— Ага. И бассейн с подогревом.

— Папа! Тимофей, который до этого момента был поглощён спасением динозавра из тарелки с кашей, тут же подпрыгнул на стуле и едва не смахнул локтем зайца. А там будут динозавры? В отеле? Настоящие?

— Если не будет мы их сами нарисуем, пообещал Игорь. Возьмём мелки и разрисуем весь отель. Пусть народ пугается.

— А можно я тираннозавра нарисую? Во всю стену?

— Можно. Но сначала доешь кашу.

Тимофей издал боевой клич, нечто среднее между индейским воем из старых вестернов, которые они иногда смотрели с папой по воскресеньям, и криком птеродактиля, как он сам его себе представлял. Получилось громко и немного жутковато. Игорь засмеялся в голос, Анна тоже не выдержала и засмеялась, хотя ещё минуту назад готова была рвать на себе волосы из-за дурацких несущих перекрытий.

— Ладно, боевая тревога, Игорь хлопнул в ладоши. Через пятнадцать минут выходим. Тимоха, чисти зубы. Ань, тебе бутерброд сделать с собой?

— Сделай. С колбасой. И сыром. У меня холодильник на работе сломался сказали, что починят только к среде, так что я к обеду с голоду помру.

— Принято. Бутерброд с колбасой и сыром для боевого архитектора.

Тимофей сполз со стула, прихватив с собой тираннозавра, и побежал в ванную. Оттуда тут же донёлся звук льющейся воды, потом грохот упавшей зубной щётки, потом довольное «Я сам!». Игорь тем временем достал из холодильника колбасу, сыр, начал резать хлеб. Анна наконец собрала свой рюкзак положила планшет, папку с документами, бутылку воды, взяла тубус с чертежом и уже стояла у двери, когда из ванной выбежал Тимофей с перепачканным пастой ртом и гордо продемонстрировал родителям начищенные зубы.

— Смотрите! Блестят!

— Как у крокодила, подтвердил Игорь.

— У крокодила не блестят. У них вообще зубы грязные. Им никто не чистит.

— Логично, согласился Игорь. Ладно, крокодил, обувайся.

Они вышли из дома втроём, но на крыльце разделились: Игорь с Тимофеем направились к отцовской машине, которая стояла у ворот и уже успела нагреться на солнце, а Анна к своей машине, припаркованной в тени под старым тополем. Она на секунду задержалась, глядя им вслед. Тимофей бежал впереди, размахивая рюкзаком с динозавром на липучке, и что-то оживлённо рассказывал отцу — про то, как они вчера строили пещеру из стульев и как Лёва побоялся туда залезть, потому что решил, что там живут пауки. Игорь шёл за ним, высокий, чуть сутулый, с бутербродом в одной руке и ключами от машины в другой, и кивал, иногда вставляя короткие реплики «Да ты что?», «А ты что?», «Ну, Лёва вообще у нас осторожный парень».

Анна улыбнулась. Обычное утро. Обычная семья. Обычная жизнь. Она запрыгнула в машину, завела двигатель и выехала со двора, думая о том, что, кажется, забыла сохранить файл с чертежом. Или сохранила? Она не помнила.

В детском саду №14, куда Игорь подъехал через двадцать минут, пахло ровно так же, как пахло в любом детском саду с незапамятных времён: манной кашей и подгоревшим молоком. Ольга Владимировна, воспитательница с голосом, который мог перекричать двадцать орущих детей одновременно, встретила их у входа в группу. На ней был белый халат поверх платья в горошек, а в руках она держала какой-то особенно хитрый конструктор.

— Бегите, Игорь Витальевич, бегите, проговорила она, забирая у Тимофея рюкзачок. Мы сегодня ракету будем строить. Из стульев и одеял. У нас ответственная миссия полёт на Марс.

— На Марсе нет динозавров, заметил Тимофей.

— Значит, мы их туда привезём, не растерялась Ольга Владимировна. Проходи, Тимош, Лёва уже там, спорит, кто будет капитаном.

Игорь присел на корточки, чмокнул сына в макушку и сказал:

— Будь хорошим капитаном. Слушайся Ольгу Владимировну. И сегодня без подвигов, ладно?

— Посмотрим, уклончиво ответил Тимофей и исчез за дверью группы.

Игорь выпрямился, кивнул Ольге Владимировне и быстрым шагом пошёл к выходу. Его ждали коммуникации, злые подрядчики и совещание, которое наверняка затянется до обеда. Торопливый стук его шагов по лестнице затих, и в коридоре снова стало тихо, только из-за двери группы доносился звонкий голос Тимофея, который уже начал раздавать приказы.

Тимофей был солнышком группы, так говорила про него та же Ольга Владимировна на родительских собраниях. Не драчун, не плакса и не ябеда. Вечно чумазая мордаха и хитрая улыбка, от которой у воспитательниц таяло сердце, потому что за этой улыбкой всегда пряталось что-то интересное. Дети к нему липли он придумывал игры, до которых больше никто не

додумывался. В его прятках нельзя было просто зайти за штору и стоять там, скучая, нужно было замереть в необычной позе. В его догонялках «салить» можно было только левой рукой, потому что правая «для важных дел». Он объяснял правила серьёзно, глядя исподлобья, и дети слушали его, открыв рты, а воспитатели только переглядывались: ну надо же, пять лет человеку, а уже командир.

Ольга Владимировна его любила, хотя никогда не призналась бы в этом вслух, потому что педагоги должны быть объективными. Она не ругала его, даже когда он вчера промочил кеды до нитки, пытаясь спасти лягушку от «наводнения» из лужи. Просто вздохнула, сняла с него мокрые носки, обувь и все повесила сушиться на батарею в раздевалке и сказала: «Тимофей, ну ты же у нас умный мальчик. Лягушки в лужах живут. Им наводнение не страшно». Тимофей выслушал, кивнул и на следующий день притащил в садик банку с головастиками чтобы изучать.

Вечером Анна припозднилась. Прораб Костя, которого она мысленно называла «крово-сосом», нашёл несоответствие в осях на четвёртом этаже те самые злосчастные восемнадцать сантиметров и раздул из этого трагедию вселенского масштаба. Она влетела в садик за десять минут до закрытия, запыхавшаяся, с перекинутым через плечо рюкзаком и папкой документов под мышкой. В раздевалке горел тёплый свет, и на скамейке, болтая ногами, сидел Тимофей. Он что-то рисовал на обрывке картона огрызком синего карандаша.

— Мам, ты опоздала, сообщил он, не отрываясь от рисования.

— Знаю, солнышко. Прости, пожалуйста. Просто дядька Костя — он немножко зануда и хочет, чтобы всё было правильно.

— Ничего, Тимофей спрыгнул со скамейки и показал ей картонку. Я лягушку дорисовал. Со скафандром. Чтобы она тоже могла на Марс полететь. Ольга Владимировна сказала, что астронавтам нужен скафандр, а лягушка она же астронавт.

Лягушка на рисунке действительно была в скафандре с прозрачным шлемом, через который виднелась довольная зелёная морда, и с маленькими перчатками на передних лапах. На задних лапах перчаток не было Тимофей объяснил, что на задние не хватило картона. Анна присела перед ним, поправила ему воротник футболки и поцеловала в макушку.

— Ты у меня гений, сказала она. Поехали домой. Папа обещал ужин.

— Макароны? Спросил Тимофей

— Скорее всего.

— С фаршем?

— С фаршем.

— Ура! Тимофей схватил рюкзачок и побежал к двери.

По пути домой они заехали в магазин, Анна катила тележку по узким проходам, механически бросая в неё хлеб, молоко и пачку стирального порошка, а Тимофей замер перед полкой с йогуртами. Он стоял, сдвинув брови, и внимательно изучал ассортимент, словно от его выбора зависела судьба человечества.

— Бери любой, Анна держала одной рукой тележку, а второй пыталась набрать Игорю сообщение, чтобы он разогрел ужин. Какой хочешь.

— Не-а, Тимофей покачал головой и взял с полки два йогурта. Смотри. У этого ложка красная, видишь? А у этого синяя. Красная ложка копает лучше.

— Чего? Анна опустила телефон.

— Ну копает. Со дна. Красная она жёсткая, ей удобно ковырять. А синяя гнётся, когда давишь. Я проверял. У Лёвы синяя сломалась, он потом пальцем доделал.

Анна моргнула. Потом посмотрела на сына, который держал два йогурта и ждал её вердикта с выражением предельной серьёзности на лице.

— Ладно, сказала она. Берём с красной ложкой.

— И ещё с клубникой. У клубники вкус настоящий, а у вишни химический. Лёва говорит, ему мама сказала.

— Берём с клубникой. Лёвина мама плохого не посоветует.

Они вышли из магазина сели в машину, Тимофей сел на заднее сиденье в детское кресло и стал рассказывать про ракету, которую они строили из стульев, и про то, что Лёва опять побоялся лететь на Марс, а Настя согласилась, но только если ей дадут розовый скафандр.

Дома их встретил запах макарон по-флотски. Игорь готовил их гениально, Анна сколько ни пыталась повторить, у неё так не получалось. Фарш у него выходил не комками, а рассыпчатый, прожаренный с луком до золотистой корочки, с каплей томатной пасты для цвета и каким-то секретным набором специй, который он никому не раскрывал. Он стоял у плиты, помешивая ужин в большой сковороде, а на экране телевизора в гостиной шёл футбол наши играли с кем-то и проигрывали 0:2.

— Ну как день? спросил Игорь, не отрываясь от сковороды.

— Ад, Анна рухнула на пуфик в прихожей, даже не сняв рюкзак с плеча. Пакет с продуктами поставила на пол и на секунду прикрыла глаза. Полный... Отпуск не дают. Проект сдвинули на месяц раньше, я ничего не успеваю. Костя сказал если к пятнице не сдам фасад, он пойдёт жаловаться начальству.

Игорь молча выключил плиту, вытер руки полотенцем, подошёл к ней, забрал пакет и подтолкнул её к дивану.

— Иди. Я ужин накрою. А ты пока отдыхай. Всё.

Она не спорила. Просто перебралась на диван, стянула наконец рюкзак и уставилась в телевизор, хотя футбол её никогда не интересовал. Тимофей убежал в свою комнату.

Через двадцать минут они сидели за столом втроем. Макароны дымились в тарелках, Анна наконец ожила и даже улыбалась, глядя, как Тимофей наворачивает ужин, перемазавшись фаршем до ушей.

— Тимош, а в саду что сегодня? спросила она, подкладывая ему хлеб. Ольга Владимировна не ругалась, что ты кеды вчера промочил?

— Не-а, Тимофей замотал головой, не переставая жевать. Мы в пещеру играли, делали ее из стульев и одеял Я был главным. Я сказал там темно, как в космосе, и мы искали сокровища. Патом строили ракету.

— А Лёва не обиделся? Он же тоже хотел быть главным.

— Лёва трус, Тимофей пожал плечами. Он в пещеру побоялся залезть. Сказал, что там пауки. А там не было пауков. Я проверил.

Игорь хмыкнул и потянулся за добавкой. Анна улыбнулась, пододвигая сыну салфетку. Обычный вечер. Обычная семья.

А потом Тимофей вдруг замер с вилок в руке, и выражение его лица на секунду стало каким-то странным, задумчивым и далёким, словно он пытался что-то вспомнить.

— Мам, сказал он медленно, а я раньше тут не жил.

Вилка Анны застыла над тарелкой. На секунду в кухне повисла тишина, нарушаемая только тихим гудением холодильника.

— А где же ты жил, мышонок? спросила она ласково, ещё не понимая, куда он клонит.

— Далёко, Тимофей смотрел куда-то в угол, и глаза его были серьёзными. Там дома высокие-высокие. До самого неба. И окна большие. И всегда дождь моросил. Как из лейки. И у меня были другие родители.

Игорь поднял взгляд от тарелки. Встретился глазами с Анной. Она чуть заметно пожала плечами мол, дети, вечно фантазируют.

— И как же их звали, твоих других родителей? спросил Игорь, пряча улыбку в уголках губ.

— Папа Серёжа и мама Лена, ответил Тимофей без запинки. Они меня тоже очень сильно любили.

Анна засмеялась.

— Фантазёр ты наш, сказала она и протянула руку, чтобы взъерошить ему волосы. — Ешь давай, инопланетянин. А то макароны остынут.

Тимофей посмотрел на неё долгим взглядом, словно хотел что-то добавить, но потом просто пожал плечами и засунул в рот сразу три макароны.

Игорь хмыкнул и вернулся к своей тарелке.

После ужина Тимофей убежал к себе. Из его комнаты донеслись привычные звуки: сначала что-то упало, потом раздался грохот кубиков, потом воинственный крик — на этот раз, кажется, динозавры пошли в атаку на пластиковых солдатиков. Игорь мыл посуду на кухне, а Анна лежала на диване в гостиной и листала на телефоне сайты с турами. Цены кусались, но она уже решила: к чёрту эту работу, всё равно поедем. Хоть на неделю, хоть на пять дней, но поедем.

— Игорь, глянь, она подняла телефон. В Анталию на двоих с ребёнком сто двадцать тысяч. Это нормально?

— Нормально, отозвался Игорь из кухни. В прошлом году у Костика сто сорок было.

Вода шумела в раковине. Тарелки стучали. Анна пролистывала отели, сравнивала отзывы и фотографии. И вдруг заметила, что из детской больше не доносится ни звука. Ни грохота. Ни криков. Никаких воинственных кличей динозавров.

— Игорь, позвала она тихо. Тимофей затих.

Игорь выключил воду, вытер руки полотенцем и вышел в коридор.

— Пойду проверю. Может, уснул.

Он прошёл по коридору к детской. Дверь была приоткрыта, Тимофей всегда оставлял её чуть приоткрытой, потому что боялся темноты, хотя никогда в этом не признавался. Игорь заглянул внутрь.

Тимофей сидел за своим маленьким столиком у окна. В правой руке красный фломастер. Перед ним лежал лист бумаги формата А4. Мальчик рисовал. Он вёл фломастером по бумаге медленно и очень старательно не как ребёнок, а как человек, который точно знает, что должно получиться в итоге.

Игорь подошёл к нему и заглянул через его плечо.

На рисунке был дом. Высокий, мрачный, с большими окнами, перечёркнутыми крест-накрест решётками. Тимофей выводил каждую клетку решётки отдельно, с сильным нажимом, так что фломастер оставлял на бумаге глубокие бороздки. Дом был чёрным. А из окон рвалось пламя — оранжевое, жёлтое, с алыми прожилками, с клубами густого чёрного дыма, который поднимался к самому верху листа, где не было нарисовано ни неба, ни солнца.

Игорь сглотнул. Во рту вдруг пересохло.

— Сынок, позвал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. А что это ты рисуешь?

Тимофей не обернулся.

— Дом.

— Вижу, что дом. Красивый. А почему он горит?

Мальчик отложил красный фломастер, взял чёрный, аккуратно, двумя пальцами, как держат карандаш художники, и добавил ещё одно облако дыма, ещё гуще и чернее предыдущего.

— Потому что там жарко было. Очень.

— Где «там»?

— Ну там, Тимофей пожал плечами, как будто речь шла о чём-то очевидном. Где я раньше жил.

Игорь почувствовал, как холодок пробежал от затылка вниз, к пояснице, а потом растёкся по всему телу. Он открыл рот, чтобы сказать что-то правильное, объясняющее, но слов не было.

Он просто стоял и смотрел, как его пятилетний сын с абсолютно спокойным, сосредоточенным лицом дорисовывает языки пламени.

— Пап, Тимофей вдруг поднял голову и посмотрел на него своими большими, тёмными глазами. А ты когда-нибудь горел?

— Нет, выдавил Игорь.

— А я горел. Там, он кивнул на рисунок. Давно. Но это не страшно. Сначала немножко больно, а потом становится тепло и совсем не больно. Как будто засыпаешь в ванне.

Фломастер снова заскрипел по бумаге, Тимофей принялся заштриховывать окна, делая их ещё чернее.

Игорь стоял над ним и не мог пошевелиться. В комнате было тихо, только ветер шевелил занавеску на открытом окне и доносил с улицы запах нагретой за день травы. Обычный летний вечер. Обычная детская комната с игрушками на полке и звёздочками на обоях. И только на столе лежал рисунок, от которого веяло чем-то чужим, неправильным и невозможным.

— Пап, Тимофей снова поднял голову и улыбнулся. Самой обычной, детской, хитрой улыбкой. А давай завтра в садик вместе пойдём? Я тебе лягушку покажу. Которая в скафандре.

Игорь выдохнул. Он почти убедил себя, что ему показалось. Почти. Дети выдумывают. У них богатая фантазия. Может, мультиков пересмотрел. Может, в садике кто-то рассказал страшилку.

— Конечно, сынок, сказал он, проводя ладонью по его волосам. Вместе пойдём. А теперь давай чистить зубы и спать.

— А рисунок на холодильник повесим?

— Повесим. Завтра.

Но когда Тимофей ушёл в ванную, Игорь сложил лист вчетверо и спрятал в ящик своего рабочего стола, подальше от глаз Анны. Сам не зная зачем.

Ночью, когда все уснули, он снова достал этот лист. Развернул. Пламя всё так же рвалось из окон. Решётки всё так же держали его внутри. А в самом низу, крошечными печатными буквами, которых он раньше не заметил, было написано дрожащей детской рукой:

«АЛИСА. 30 ЛЕТ. ПРОСТИТЕ».

Игорь закрыл глаза и сосчитал до десяти. Открыл. Надпись не исчезла. Он сидел на кухне до двух часов ночи, глядя на этот лист бумаги, и не мог заставить себя выбросить его в мусорное ведро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.